

ДЛИННЫЕ СЕТИ

*Из книги раввина Соломона Альтера Хальперна «Узник и другие истории о вере»,
публикации издательства «Фельдхайм» (ул. Тахкемони, 39, Иерусалим),
напечатано здесь с разрешения автора*

В первый день Песаха в Палате Тесаных Камней в Храме заседал Большой Санхедрин, Верховный суд, в состав которого входили величайшие раввины. В Шаббат и в праздники гражданские дела не рассматривались, и заседали только на случай, если возникнут вопросы относительно приношений Корбанот. Присутствовали почти все члены Санхедрина, состоявшего из 71-го раввина. Они сидели, расположившись полукругом, и обсуждали разные вопросы Торы. Когда один из членов излагал свое мнение по одной теме, а секретарь Санхедрина оглашал вопросы, в зал провели раввина одного города в сопровождении нескольких человек, и председатель Санхедрина предложил ему изложить свое дело.

— Господа! — начал раввин. — Есть тут одно дело, которое на первый взгляд казалось обычной мелкой ссорой. Но если справедливы мои подозрения, то тут есть нечто достаточно важное и срочное, чтобы апеллировать к Вам как к высшей инстанции при Храме. Вот этот человек, — указал он на мужчину средних лет, одетого в дорогую одежду в персидском стиле, — поссорился вчера вечером на Седере с владельцем дома, который здесь снимает, — он указал на дородного человека с пышной бородой и *пейот*, в традиционном иерусалимском одеянии. — Спор был о том, какую часть приношения Корбан Песах должен получить этот гость, и есть два свидетеля, которые были в составе той группы — он указал на двух сельских жителей из Галилеи. — Но Вам я представляю это дело не как тяжбу, и потому думаю, что Вы сможете рассмотреть его и в праздник. Интересно здесь следующее: гость настаивал на том, чтобы получить в качестве порции хвост ягненка. Когда эти люди пришли ко мне поздно вечером, я было подумал, что тут речь идет всего лишь о невежественном вавилонянине, который никогда не слышал, что хвост ягненка — это одна из частей, которые сжигаются на Алтаре. Но этот человек отказался выслушать мои терпеливые разъяснения и заявил, что один великий раввин четко велел ему настоять на том, чтобы попробовать хвост. Если он говорит правду, — а так он заявляет, — то тут, должно быть, кроется какая-то тайна, которую только вы, Господа, можете раскрыть.

Все раввины обратили хмурые взоры на вавилонянина. К нему обратился председатель суда:

— Как твое имя, и из какого ты города?

— Господин мой, меня зовут Зигуд бар Эсур. Я из города Арбела, на верхнем Тигре.

— И ты подтверждаешь то, что рассказал нам этот раввин? — продолжил председатель.

ДЛИННЫЕ СЕТИ

— Да, — ответил вавилонянин, — и уверен, что этот суд, верховный в стране, удовлетворит мое требование.

— Скажи нам тогда, кто велел тебе предъявить такое требование.

— Сам рав Йеѹуда бен Бтейра из Нецивин.

По залу прошелся гул. Как мог такой великий раввин сделать такое предложение? Разве в Торе не написано прямым текстом, что хвост должен сжигаться на Алтаре?

Но председатель и бровью не повел.

— А при каких обстоятельствах он тебе это сказал?

— В прошлом году, возвращаясь из Иерусалима после Песаха, я остановился в Нецивин и пребывал у него дома на Шаббат. Я рассказал ему, как мне понравился Песах, как хорошо со мной обращался хозяин дома, и как мне дали выбрать порцию ягненка. И он сказал: «Уверен, что тебе не дали выбрать какую угодно порцию. Тебе довелось когда-нибудь попробовать хвост?» Я должен был признать, что нет, не довелось. Тогда он сказал, что я должен настоять на этом в этом году — что я и сделал. Но мне отказали!

Мудрецы сидели с разными выражениями. У одних было написано на лице неверие, у других — сомнение, третьи выражали глубокую сосредоточенность. Улыбка председателя была доброй, но загадочной.

— Скажи, ты учил Тору?

— Очень немножко, раби. Отец был бедным, и мне пришлось начать помогать ему в лавке еще до того, как мне исполнилось тринадцать.

— Но немножко ты все-таки учил? Сможешь немного почитать нам вот из этого свитка?

Вавилонянин на минуту смутился, но затем ответил:

— Это было очень давно, господин мой, я почти совсем забыл, как читать.

— Сможешь тогда произнести молитву Шма?

Вавилонянин начал, но после первого предложения стал запинаться. Когда его попросили читать погромче, он очень покраснел и сказал:

— Должен признаться, что я уже много лет не произносил ее. Я все время так занят, приходится постоянно путешествовать...

— Понимаю, — сказал председатель, по-прежнему улыбаясь, и обвел взглядом зал. Теперь было ясно, что понимали и коллеги. Он приказал всем очистить залу суда. Когда все вышли, и остались одни судьи, произошло непродолжительное обсуждение. Затем людям вновь велели войти.

— Мы решили так, — сказал председатель. — Это дело будет рассмотрено завтра. Тем временем этот человек будет помещен в доме храмовой охраны. Приказываем также

ДЛИННЫЕ СЕТИ

капитану охраны послать солдат с целью поискать, нет ли здесь, в Иерусалиме евреев из Арбелы и ее региона. Они нужны для опознания этого человека. Охранной службой Левитов также будет организован медосмотр этого человека, о результатах которого будет доложено завтра.

** ** **

Прошло четыре недели. В один вечер, когда престарелый рав Йеҳуда бен Бтейра давал студентам ешивы экзамен по законам Бикурим (Первых плодов), в залу вошел человек и почтительно подождал у двери, пока его не позвал раввин.

— Раби, — сказал он, — я пришел сообщить, как вы просили, о прибытии первой группы паломников на пути домой. Среди них раввин из Пум-Бедиты, который свернул с пути специально, чтобы доставить вам письмо от Санхедрина. Он попросил сообщить, что скоро сюда придет, как только привяжет осла.

Рав Йеҳуда поблагодарил вестника и велел студентам продолжить повторение трактата самостоятельно. А сам откинулся на спинку дивана и погрузился в думы.

Письмо от Санхедрина! Уж не о том ли деле, которое волновало его весь этот год? Он снова вспомнил об инциденте, произошедшем почти ровно год назад.

Весна в том году выдалась поздняя. Прошло уже четыре недели после Песаха, а река, стекающая с нагорий Курдистана, все еще переполнялась и разливалась из-за тающих снегов. Многие путешественники, возвращавшиеся с паломничества в Иерусалим, застряли в городе и ждали, пока не спадет вода. Евреи Нецивин были рады их приютить. Сами они не часто были в состоянии совершить длинное путешествие в Иерусалим, да и, строго говоря, они не обязаны были это делать, поскольку жили вне Земли Израиля, но они тем более испытывали уважение к тем, кто все-таки ехал, и были рады оказать им помощь в исполнении заповеди.

У самого рава Йеҳуды в тот пятничный вечер тоже сидели за столом несколько таких путешественников. Большинство были раввинами, некоторые из них были в прошлом его учениками. Но один человек из Арбелы, явно преуспевающий торговец, специально попросил остановиться у раввина. Рав Йеҳуда его принял, тем более, что он доставил ему письмо. Рав Йеҳуда часто переписывался с раввинами Святой Земли, и обычно письма доставлялись паломниками.

В течение трапезы торговец, испробовав довольно порядочное количество сильного пива, весьма разговорился, и раввин, хотя и предпочитал продолжить ученую дискуссию с другими, вежливо выслушивал его речи. В конце концов, о праздновании Песаха в Иерусалиме было что рассказать, и торговец неплохо это делал. Он рассказал о новостройках, которые рав Йеҳуда не видел, когда сам еще путешествовал в более молодом возрасте. Он описал вид на Храм со стороны Восточных ворот, различные уровни Внутреннего двора, Большой Алтарь слева — его блестящее белое покрытие, частично покрасневшее от крови множества принесенных Корбанот, — и все это затмевало величественное здание на самом высоком уровне — сам Храм, более чем в

ДЛИННЫЕ СЕТИ

десять раз выше обычного дома, с фасадом такой же ширины, его разноцветный мрамор, который блестел и переливался, как волны освещенного солнцем моря. Через открытый вход в Передний зал были видны двери самого Святилища. А над этими дверьми — тут глаза рассказчика по-особому сверкнули — огромная виноградная лоза из чистого золота, в которой хранилось золото, пожертвованное в Храмовую сокровищницу — Бедек ХаБаит — в форме гроздьев золотых виноградин и листьев.

— Эх, оставили бы меня там одного хоть на час! — добавил торговец, — Там, в тех виноградинах, должна быть уйма золота!

Не обратив внимания на возмущенные взгляды присутствующих, он глотнул еще из кружки и продолжил описывать теперь, как проходит день перед наступлением Песаха в Храме.

— К полудню наступает такая давка, что уже невозможно двигаться. Второй двор и даже часть Храмовой горы забита людьми, ведущими своих Пасхальных ягнят. Когда заходит первая группа, за ней закрываются ворота Внутреннего двора, но слышно, как в процессе принесения Корбанот Левиим поют Халлель. Затем те люди выходят и несут своих ягнят для за жаривания, и входит вторая группа, а за ней еще и третья! Такая масса народу! И знаете что, Коҳаним трудновато переносить кровь всех этих Корбанот до Алтаря — так они образуют цепочки и передают друг другу золотые и серебряные сосуды. И все эти толпы народа — это только по одному человеку на каждого ягненка! А кроме него на этого ягненка зарегистрирована еще целая группа, и каждому ее члену достается лишь небольшая порция в конце Седера. Перед этим, конечно, подается целый обед, но эта маленькая порция ягненка — лучше всего! И я всегда получаю лучший кусок, понимаете! Я ведь богат и хорошо плачу!

Торговец приостановился и налил еще в свою кружку из кувшина, стоящего посередине стола.

— Хорошее у вас пиво, раби! — сказал он. — Жаль, что не было возможности попить его вместе с Пасхальным ягненком! Ха-ха-ха!

Лица у слушателей опять выражали шок, но рассказчик лишь глотнул еще из кружки. Пиво уже возымело свой эффект, он вдруг начал хихикать, а затем продолжил:

— Но я еще не рассказал вам главного! Вы знаете, как страшно они ограничивают к себе доступ. Каждый участвующий должен окунуться в Микве, а перед этим еще и окропиться очистительной водой на третий и на седьмой день. И кто не обрезан или не верит в Тору вообще не имеет права принимать участие. Ха, и не думал, не гадал мой набожный хозяин, что его любимый богатый гость — стопроцентный нееврей! Хо-хо!... Ха-ха-ха!...

Он продолжил смеяться, пока совсем не выдохся.

Гости повскакивали из-за стола в полном замешательстве. Все взоры были устремлены на раввина.

ДЛИННЫЕ СЕТИ

Рав Йеѳуда дал присутствующим знак, что этим займется он. Он думал быстро. Этот человек совершил тяжкое преступление, без всякого зазрения совести и, надо сказать, с большой смелостью. Должно быть, он достаточно знаком с еврейскими законами и обычаями, чтобы суметь притвориться евреем — в конце концов, в Иерусалим приезжали самые разные, странные на вид евреи со всех сторон света, говорящие на всевозможных языках. Проверять всех было невозможно.

Что же теперь делать? Наказать его здесь невозможно. Тут не Земля Израиля, и если нееврея отдать под еврейский суд, вмешаются власти. Дать знать кому-то в Иерусалиме тоже бесполезно — там не смогли бы разыскать нарушителя в такой массе народа. Нет, оставался единственный способ: устроить западню.

К тому времени, как нееврей пришел в себя после приступа смеха, у рава Йеѳуды уже созрел план.

— Ты воистину храбрый малый, — обратился он к нему с некоторым восхищением в голосе, — но не думаю, что тебе действительно удалось их провести. Похоже, что они все-таки подозревали, что ты чужак. Поэтому тебе никогда не довелось отведать самой вкусной части ягненка!

— Еще как довелось, раби! — ответил нееврей, — мне позволили выбрать любую порцию, по своему желанию.

— Ах! — сказал рав Йеѳуда, — тебе дали выбрать лучшую порцию из того, что было на столе. Но дали тебе когда-нибудь шанс отведать хвост? Тебе известно, что мясо около хвоста самое жирное и сочное? И ту часть тебе ни разу не дали выбрать, правильно?

— Хвост? — переспросил нееврей, нахмурившись, — правильно, хвоста никогда не было, ягненка подносили к столу уже без хвоста! Интересно, что же случилось с хвостом.

На том окончилась тогда та сцена. Нееврей уехал, и больше рав Йеѳуда о нем не слышал. Попался ли он на удочку? Посмел ли снова пойти, зная, что кому-то известна его тайна, и его могут засечь? Об этом рав Йеѳуда думал целый год. А теперь — что в письме?

Письмо вскоре пришло: короткое, но достаточное для того, чтобы порадовать рава Йеѳуду:

***Мир тебе, раби Йеѳуда бен Бтейра! Живешь ты в
Нецивин, но сети твои раскинуты в Иерусалиме!***

Санхедрин.

*O. Y. Baddiel
London, England*

*О. И. Баддиль
Лондон, Англия*

***Translated from the English by Rabbi Meir Moutchnik, to whom many thanks.
Перевод с английского Меира Мучника, которому выражается благодарность.***